

RU

Лексико-семантические особенности психологизации повествования
в романе Г. Флинн “Gone Girl”

Рамантова О. В.

Аннотация. Цель исследования – определить языковую специфику создания психологизма в романе американского автора Г. Флинн “Gone Girl”. В связи с этим в ходе исследования уточняется понятие «психологизм» и анализируется семантика лексических единиц, конструирующих семантическое пространство рассматриваемого художественного произведения и выполняющих функцию психологизации повествования в нем. Научная новизна исследования заключается в выявлении лексических значений, объективирующих психологический метод Г. Флинн в романе “Gone Girl”. В результате установлено, что психологический метод Г. Флинн в романе “Gone Girl” состоит в языковой актуализации семантики физиологии, семантики сладкой еды, семантики алкоголя, а также в использовании зоонимов, что, в свою очередь, характеризует идиостиль Г. Флинн и, в соответствии с гипотезой исследования, позволяет рассматривать «физиологичное» повествование как характерный для нее прием выражения ментальных состояний и эмоциональных переживаний ее литературных героев, избирательности восприятия ими окружающего мира.

EN

Lexico-semantic features of narrative psychologisation
in G. Flynn’s novel “Gone Girl”

Ramantova O. V.

Abstract. The aim of the study is to determine the linguistic specifics of psychologism creation in the novel “Gone Girl” by the American author G. Flynn. In this regard, the study clarifies the notion of “psychologism” and analyses the semantics of the lexical units that construct the semantic space of the literary work under consideration and perform the function of narrative psychologisation in it. The scientific novelty of the study lies in identifying the lexical meanings objectifying G. Flynn’s psychological method in the novel “Gone Girl”. As a result, it has been found that the psychological method of G. Flynn in the novel “Gone Girl” consists in the linguistic actualisation of the semantics of physiology, the semantics of sweet food, the semantics of alcohol, as well as in the use of zoonyms, which, in turn, characterises G. Flynn’s individual style and, in accordance with the hypothesis of the study, makes it possible to consider the “physiological” narrative as a characteristic method of expressing the mental states and emotional experiences of her characters, the selectivity of their perception of the surrounding world.

Введение

Актуальность темы исследования определяется прежде всего безусловной популярностью современного американского автора психологических романов Г. Флинн, получившей всемирное признание литературных критиков и мастеров жанра, и несменным интересом читающей и смотрящей аудитории к экранизациям ее произведений («Острые предметы», «Темные тайны» и «Исчезнувшая»), успехом которых Г. Флинн заслужила себе репутацию поистине талантливого автора, раскрывающего читателю неординарные характеры, мастера тонких и неожиданных сюжетных поворотов. Кроме этого, проблема изображения внутренней жизни человека, его психоэмоционального состояния по-прежнему остается актуальной и находится в фокусе внимания антропоориентированной лингвистики: исследователи продолжают разрабатывать вопросы выражения ментальных состояний человека в языке.

Материалом исследования выступает психологический роман Гиллиан Флинн “Gone Girl” (Flynn G. Gone Girl. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2013); перевод примеров заимствуется по изданию (Флинн Г. Исчезнувшая / пер. с англ. В. Русанова. СПб.: Азбука, 2022). Быстро ставший бестселлером и лауреатом престижных литературных наград,

роман-триллер “Gone Girl”, как и предыдущие книги Г. Флинн, содержит детективную и психологическую составляющие, художественное воплощение которых определяет своеобразие стиля американского автора.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что творчество Г. Флинн, а именно ее психологические романы, характеризуется единым идиостилем, который выражается в неизменном выборе лексических значений, описывающих семантику физиологии и составляющих психологический метод автора (как в данном романе, так и в других произведениях автора), выявить который и представляется возможным, основываясь на результатах предыдущих исследований (Рамантова, 2022).

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари и энциклопедии: Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003; Словарь литературоведческих терминов / под ред. С. П. Белокуровой. СПб.: Паритет, 2006; Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- уточнить понятие «психологизм» для обоснования психологизирующей функции лексических единиц в контексте;
- выявить лексические единицы, создающие психологизм в романе Г. Флинн “Gone Girl”, и описать репрезентируемую ими семантику.

В процессе решения поставленных задач используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод семантико-стилистического анализа, метод контекстуального анализа, метод лингвистического описания.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной трудами, которые раскрывают понятие художественного психологизма (Гинзбург, 1976; Есин, 1980); рассматривают формы и приемы психологического повествования (Герасименко, Лушников, 2019; Донцова, 2018); характеризуют внутренний монолог как особый способ представления психоэмотивного пространства произведения (Донцова, 2019; Мамедова, 2022; Трусова, Пенягина, 2022); анализируют языковые способы вербализации внутреннего мира литературного героя и оценочную специфику его выражения (Сергеева, Голубева, 2020; Шаховский, 2008); раскрывают роль художественной детали в репрезентации психологического состояния литературного героя (Ляшенко, 2020; Плахова, Шебардина, 2018); анализируют роль картин природы в создании психологизма и актуализации душевного состояния персонажей (Короткова, 2020).

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении существующих представлений о психологизме и о психологизме современной американской литературы: в статье раскрываются потенциал лингвистических средств и особенности их функционирования в психологизации повествования, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию индивидуального стиля современных авторов.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в лекционных курсах и на семинарах по лингвистике текста, лексикологии и стилистике английского языка, а также в рамках курса по современной американской литературе.

Обсуждение и результаты

Исследованию особенностей выражения психологизма в художественных произведениях посвящено достаточно много работ отечественных и зарубежных авторов в силу неизменной притягательности его прежде всего как свойства литературного произведения, присущего не любому художественному тексту, но наличие которого определенно повышает художественную ценность произведения.

Согласно Словарю литературоведческих терминов, художественный психологизм понимается как «способ изображения душевной жизни человека в художественном произведении – воссоздание внутренней жизни персонажа, ее динамики, смены душевных состояний, анализ свойств личности героя» (2006, с. 137-138); при этом внутреннее состояние литературного героя раскрывается не только через внутреннюю речь персонажа и образы, возникающие в его памяти, но имеет и внешнее проявление психики, то есть выражается через жесты, мимику, особенности речи. Из вышесказанного следует, что психологизм в художественном произведении состоит в воспроизведении человеческого характера, глубоком изображении его эмоциональных и личностных проявлений, и существенное значение в психологическом изображении приобретают не только вербальные, но и невербальные знаки, включенные в повествование и свидетельствующие о душевных процессах литературного героя, его ментальном и эмоциональном состоянии. Психологизм в повествовании достигается в художественных деталях, раскрывающих изображаемый автором характер, при этом деталью могут выступать любые особенности внешности и поведения литературного героя. Любая деталь может служить инструментом психологического изображения.

Исследователи отмечают, что глубокое изображение душевного настроения литературного героя является существенной чертой эстетического мира произведения (Литературная энциклопедия..., 2003, с. 834-835). В этом смысле можно говорить об особой художественной убедительности психологического изображения: чем тоньше и глубже психологизм, тем больше сила эмоционального воздействия текста на читателя и тем выше художественность литературного текста. Глубина психологизма определяется и выбором способов детализации автором изображения душевной жизни литературного героя: психологическое изображение тем выразительнее, чем экспрессивнее языковые средства.

О художественном изображении душевной жизни человека, его внутреннего конфликта и противоречий, его поведения и отношения с внешним миром, его социально-морального облика и устремлений пишет литературовед Л. Я. Гинзбург: «Литературный персонаж – это серия последовательных проявлений, упоминаний одного лица. Изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ – все это постепенно наращивается, образуя определенное единство, функционирующее в многообразных сюжетных ситуациях» (1976, с. 272). Другими словами, познание душевной жизни литературного героя прослеживается на материале художественной литературы, непосредственно отражающей жизненный процесс, через изображение мыслей, чувств и поступков литературных героев в их динамике, то есть через изображение человеческой жизни на ее протяжении. Повествование психологизируется через развитие внутренней жизни литературного характера, через экспликацию состояния персонажа в различных эмоциональных ситуациях, изображение и смена которых наполняют художественное пространство произведений: «...художественная литература отражает и интерпретирует эмоциональную жизнь человека» (Шаховский, 2008, с. 255).

Говоря о психологизме как особой стиливой форме, литературовед А. Б. Есин отмечает, что «психологическое изображение может стать основным способом, с помощью которого познается изображаемый характер» (1980, с. 3). В этом случае психологическое изображение приобретает серьезную содержательную нагрузку и определяет стиливое своеобразие художественного произведения. Таким образом, психологизм можно рассматривать и как стиливую доминанту.

Психологизация художественного текста осуществляется через композиционно-повествовательную организацию произведения и использование определенных языковых средств. Речь идет прежде всего о внутренней речи литературных героев, которая, как известно, является прямой формой художественного изображения и наиболее характерна для выражения именно «психологического» стиля изложения. Что касается языковых средств, исследователи особенно выделяют эгоцентричность повествования, оценочный характер суждений, а также использование автором эпитетов, метафор, антитезы, лексических повторов и синтаксического параллелизма, которые в совокупности объективируют «внутреннюю реальность индивида» (Сергеева, Голубева, 2020). Безусловно важен и лексический потенциал языковых средств, поскольку изображаемый в художественных текстах эмоциональный мир человека кодируется семантикой (Шаховский, 2008, с. 255). Таким образом, психологизм в литературных произведениях создается детальным многоаспектным изображением внутренней жизни человека в ее развитии, определяющим, в свою очередь, и психологизирующую функцию используемых автором языковых средств.

К наиболее интересным результатам и наблюдениям в ходе лингвистического анализа романа можно отнести следующее.

Нарративная организация романа-триллера “Gone Girl” включает в себя дневниковую форму повествования от имени двух литературных героев – супругов Ника Данна и Эми Эллиот-Данн, внешне идеальный и счастливый брак которых оказался построен на лжи и манипулировании. Языковой стиль романа Г. Флинн можно охарактеризовать как колоритный, поскольку экспрессия и глубокий психологизм в повествовании создаются целым арсеналом языковых средств разного уровня, из всего множества которых все же можно выделить особый пласт лексики, объективирующий специфический психоэмотивный фон произведения. В первую очередь, речь идет о лексических единицах, номинирующих части тела, внутренние органы, биологические жидкости, физиологические процессы, физиологические состояния и физиологические привычки, половой акт и таким образом репрезентирующих **семантику физиологии**. Физиологичное описание начинает повествование романа и раскрывает ментальное состояние Ника Данна, осознавшего, что он совсем не знает свою жену, при этом к описанию физиологических деталей ее головы он возвращается не раз в мыслях о ней. Глубокое психологическое изображение достигается детализацией описания головы с разных ракурсов, актуализируется лексемами *head, shape, skull, back of her head, angles, brain, coils*, при этом детализация описания усиливается определениями *finely, lovely, pretty*, выражающими восхищение идеальностью форм: 1. When I think of my wife, I always think of her head. The shape of it... there was something lovely about it, the angles of it... a finely shaped head... the skull. And what's inside it... Her brain, all those coils (Flynn, 2013, p. 3). / Когда я представляю свою жену, то прежде всего вижу голову... в форме черепа есть что-то умиительно-округлое... голова идеальной формы... череп. И то, что внутри. ...мозг с уёмой извилин... (Флинн, 2022, с. 9). 2. I thought of that day in New York when I found her again: ...the back of her head... Amy's pretty skull floating down the Seventh Avenue (Flynn, 2013, p. 70). / Я вспоминал тот день в Нью-Йорке... волосы и затылок... изящный череп Эми, плывущий впереди по Седьмой авеню (Флинн, 2022, с. 83). Еще одно, уже другое описание черепа Эми Эллиот, включенное в повествование о сне Ника Данна, уточняется лексическими значениями *misshapen, dented, blood* и таким образом актуализирует тревожность и нервное напряжение литературного героя: 3. I dreamed of Amy: She was crawling across our kitchen floor... but she was blind from the blood. Her pretty head was strangely misshapen, dented in on the right side. Blood was dripping from one long hank of hair... (Flynn, 2013, p. 182). / Мне снилась Эми. Кровь заливала ей глаза... ее хорошенький череп был деформирован – смят с правой стороны. Кровь капала с длинной пряди волос (Флинн, 2022, с. 199).

Манифестация человеческих эмоций, настроения и реакции на внешние события в романе Г. Флинн осуществляется преимущественно посредством физиологических проявлений, изображение которых получает в повествовании различную лексическую реализацию и включает в себя прежде всего лексические единицы, называющиеся **внутренние органы**. Наиболее частотными для выражения непосредственной реакции на событие или слова являются лексические значения *gut, stomach, teeth, throat, esophagus, cheek, heart*, которые,

в свою очередь, уточняются глагольными лексемами типа *seize, twist, clench, grind, lurch, hurt*, описывающими негативные, ненормальные и болезненные физиологические процессы, вызывающие дискомфорт и напряжение у человека и выражающие поэтому состояние невроза нарратора. Особенно часто данная лексика описывает реакцию Ника Данна на подсказки-ключи в игре Эми: 4. *My stomach seized*. I didn't know what this one meant (Flynn, 2013, p. 153). / Я не знал, что она имеет в виду, а потому ощутил, как кишки скручиваются в узел (Флинн, 2022, с. 170). 5. *My gut twisted*. I needed a drink (Flynn, 2013, p. 10). / Кишки мои сжались в узел. Очень хотелось выпить (Флинн, 2022, с. 17). 6. I thought of Gilpin and Boney and *my stomach lurched* (Flynn, 2013, p. 155). / Вспомнив о Боне и Джилпине, я ощутил спазм в желудке (Флинн, 2022, с. 173). 7. I realized I was *grinding my teeth* (Flynn, 2013, p. 226). / Я поймал себя на том, что скрежещу зубами (Флинн, 2022, с. 246). 8. I read the first clue *with clenched teeth* (Flynn, 2013, p. 82). / Первый ключ я читал со стиснутыми зубами (Флинн, 2022, с. 95). 9. In my imagination she strolled next to me... *My stomach went oily* (Flynn, 2013, p. 122). / Эми шагала рядом – в моем воображении, конечно... в животе заворочался липкий ком (Флинн, 2022, с. 137). 10. I *took a deep breath, blew it out... My throat tight* (Flynn, 2013, p. 152). / К горлу подступил комок (Флинн, 2022, с. 170). 11. *My stomach was working its way up my esophagus* (Flynn, 2013, p. 88). / Желудок пополз вверх, к горлу (Флинн, 2022, с. 102). 12. When I thought about Andie, *my stomach didn't hurt* the way it did with my wife (Flynn, 2013, p. 166). / Когда я думал об Энди, мои кишки не скручивало в узел, как при мысли о жене (Флинн, 2022, с. 184).

Реакция на внешние события может репрезентироваться лексическими единицами (глагольными предикатами), номинирующими физиологические процессы. Так, например, в следующем случае для передачи психологической напряженности нарратора используется лексема *swallow*, описывающая, соответственно, *глотание и прикусывание*, для выражения напряженного морального состояния: 13. I *swallowed my lips* (Flynn, 2013, p. 302). / Я закусил губу (Флинн, 2022, с. 328). Та же лексема используется нарратором и в качестве эпитета для описания собственных внутренних ощущений, стеснительности: 14. I offered what I had: my thanks, my water, *my lip-swallowing awkwardness* (Flynn, 2013, p. 106). / Я предложил все, чем располагал: благодарность, воду, собственную нелюдимость и неловкость (Флинн, 2022, с. 121).

Психологизм в повествовании создают лексические единицы, номинирующие биологические жидкости и актуализирующие негативный психологический смысл в контексте. К таким лексемам относятся субстантивные лексемы *sweat, bile, water, blood, semen*, а также глагольная лексема *piss*. Как известно, для психологического повествования характерно контрастное внешнему миру или, наоборот, созвучное ему описание определенного душевного состояния литературного героя. Так, например, лексические единицы, номинирующие пот (*sweat*) и его количество (*beads, layer*), выражают созвучное с состоянием природы состояние человека: большую часть эпизодов сопровождает описание жары, и таким образом семантика пота и жары приобретает особую значимость в передаче общей атмосферы напряженности и невроза: 15. *Flashbulbs exploded, and I dropped the smile, but not soon enough. I felt a wave of heat roll up my neck, and beads of sweat broke out on my nose* (Flynn, 2013, p. 79). / Я стер с лица улыбку, но недостаточно проворно. Жар охватил шею, капельки пота выступили на носу (Флинн, 2022, с. 92). 16. I felt *a layer of sweat shimmer to the surface of my skin, because, finally, my wife's fears had come to fruition* (Flynn, 2013, p. 117). / Я покрылся липким потом. В конце концов фобии моей жены принесли плоды (Флинн, 2022, с. 133). Следующие два примера репрезентируют и физическое, и моральное состояние литературного героя, и таким образом подчеркивается их связь, а именно, неприятное физическое ощущение, актуализируемое лексемами *bile, flush*, дополняет испытываемые негативные эмоции, актуализируемые лексемами *dread, angry*: 17. *Bile and dread inched up my throat* (Flynn, 2013, p. 8). / Горечь со страхом подступили комком к горлу (Флинн, 2022, с. 14). 18. But even knowing this didn't prevent *the angry blood flush to my stomach every time she accused me of being a baby* (Flynn, 2013, p. 196). / Злая кровь вскипала во мне всякий раз, когда я слышал про баловня (Флинн, 2022, с. 214).

В следующем случае репрезентировано отрицательное оценочное суждение Ника Данна о супруге, актуализируемое лексическим значением глагольного словосочетания *piss in a cup*, которое в силу специфики номинируемой биологической жидкости (мочи) передает физически отталкивающие образы и таким образом характеризует Эми как крайне равнодушную и эгоистичную натуру: 19. Amy cared so little for Stucks or his refreshment that she wouldn't have bothered *to piss in a cup for him* (Flynn, 2013, p. 126). / Эми мало волновал Стакс и его попа, она не подала бы ему даже кружку с мочой (Флинн, 2022, с. 141).

Лексические значения данной подгруппы семантики физиологии используются в качестве средств особой выразительности, например как эпитет для описания еды: 20. *Semeny dip* (Flynn, 2013, p. 13). / Спермовидный дип-соус (Флинн, 2022, с. 21).

Для выражения душевного состояния в повествовании используются лексические единицы, называющие физиологическое состояние. В следующем случае лексемами *fat, obese*, значение которых конкретизируется лексическими значениями положительных чувств и эмоций, репрезентируется воодушевленное душевное состояние: 21. I am *fat with love! Morbidly obese with devotion!* (Flynn, 2013, p. 43) / Меня переполняет любовь! Я опухла от страсти! (Флинн, 2022, с. 53). Еще в одном примере адъективные лексические единицы *tender, brittle*, описывающие характеристики кожи и костей, объективируют созвучное с внутренним настроением персонажа ощущение беспомощности и подавленности: 22. I spent today shuffling around, *my skin tender, my bones brittle*. Misery-battling (Flynn, 2013, p. 93). / Я весь день гуляла туда-сюда. Кожа у меня тонкая, кости хрупкие. Борюсь с депрессняком (Флинн, 2022, с. 107). В следующем примере лексема *coma*, номинирующая ненормальное и тяжелое физическое состояние, описывает смутное моральное состояние литературного героя:

23. Amy explained this to me in calm, measured tones, as if I were a patient walking from a *coma* (Flynn, 2013, p. 41). / Она рассказала о себе спокойным, будничным тоном, как будто я только что вышел из комы (Флинн, 2022, с. 50).

Дельное описание физических ощущений как реакции на внешние события, в которые каждый из нарраторов оказался вовлечен, составляет особый интерес в повествовании и несет психологический смысл. Нюансы физического состояния литературного героя нередко репрезентируются лексическими единицами, описывающими целую последовательность физиологических проявлений, чем и достигается выражение глубины ощущений литературного героя. В следующем случае Ник Данн пытается прийти в себя и контролировать тело, испытывая сильное эмоциональное напряжение, актуализируемое лексемами *intense, clench, clatter*, называющими резкие механические движения и репрезентирующими даже громкий звук: 24. I sat on the thin, cheap carpet and made myself breathe, my heart clattering. After a minute, after my shoulders intensified and my jaw unclenched and my hands unfisted and my heart returned to normal... (Flynn, 2013, p. 151-152) / ...я заставил себя глубоко дышать, чтобы смирить бешено колотящееся сердце. Через минуту расслабились и плечевые мышцы, разжались челюсти и кулаки, а сердцебиение вернулось в нормальный ритм (Флинн, 2022, с. 169). Следующий пример репрезентирует описание процесса рвоты; боль и физическое напряжение актуализируются глагольными лексическими единицами *clench, seize, tear*: 25. I wanted to vomit. My throat was clenching and unclenching like a heart. I told myself I would not throw up, then I ran to the bathroom and threw up: bile and warm water and one small bobbing pea. As my stomach was seizing and my eyes were tearing, and I was gasping for breath... (Flynn, 2013, p. 229) / ...а меня тошнило. Горло сжималось и разжималось, подобно сердцу. <...> Желчь, теплая вода и одна-единственная горошина. Живот стискивали спазмы, глаза стремились покинуть орбиты, дыхание прерывалось (Флинн, 2022, с. 249).

Внутренняя речь супругов Данн наполнена лексикой, номинирующей женские и мужские половые органы и актуализирующей мужскую и женскую суть в мировосприятии супругов. Нередко данная лексика выражает гнев и агрессию литературных героев: 26. Go f**k yourself (Flynn, 2013, p. 28). / Убирайся и займись о****змом (Флинн, 2022, с. 38). 27. The whole book made me want to punch Amy right in her stupid, spotless vagina (Flynn, 2013, p. 29). / А целиком текст вызывает желание хорошенько врезать коленом прямо в непорочное влагалище моей тетки (Флинн, 2022, с. 39). Для выражения агрессии используется ненормативная лексика, номинирующая женский половой орган: 28. You f**king c*nt! (Flynn, 2013, p. 245) / Ш**ха (Флинн, 2022, с. 267).

Лексические единицы, номинирующие половые органы, репрезентируют оценочные суждения. Так, например, лексическая единица, номинирующая мужской половой орган, описывает важную составляющую мужской самооценки и нередко критерий положительного отношения к мужчине: 29. Untortured, happy. Nice. Big penis (Flynn, 2013, p. 44). / Это Ник... счастливый и незатасканный. Милый. С большим членом (Флинн, 2022, с. 54). В другом контексте эта же лексема актуализирует жалость литературного героя к самому себе, что лексически достигается значением *pathetically*, объективирующим именно душевную сторону данной ситуации: 30. When I was done, I sat down in the bathtub and stared at the drain through the spray. My penis lay pathetically along my left thigh, like some small animal washed ashore. I sat at the bottom of the bathtub, humiliated, trying not to cry (Flynn, 2013, p. 167). / К**чив, я сидел и тупо глядел на сливное отверстие. Мой член жалко вытянулся вдоль левого бедра... Униженный, я сидел в ванне и пытался не расплакаться (Флинн, 2022, с. 184).

Следующий пример с использованием лексики, номинирующей женские органы, репрезентирует негативную оценку, в данном случае стриптизерши: 31. A stretch-titted woman straddling my husband (Flynn, 2013, p. 77). / Женщина с дряблыми сис*ками (Флинн, 2022, с. 90). Лексема *tit* относится к сниженной и грубой лексике и в данном случае подчеркивает именно раздражение, возмущение и даже брезгливость Эми по отношению к стриптизерше, с которой, по ее мнению, Ник ей изменил. Таким образом, сниженная и ненормативная лексика, номинирующая мужскую и женскую физиологию, используется в негативных оценочных суждениях. Семантика физиологии широко репрезентирована в ярких сравнениях и метафорических переосмыслениях. Лексические единицы со значением физиологии объективируют размышления литературных героев о переменах в жизни и трансформации характера супруга (супруги). Для Ника Данна это всегда болезненные ассоциации, репрезентируемые, например, лексемами *bloody stumps*, обычно описывающими последствия сильного травмирования тела или вынужденного оперативного вмешательства и выражающими поэтому в данном случае душевную боль и жертвенность: 32. When I'd hold up the bloody stumps, she'd sigh and turn to her secret mental notebook... (Flynn, 2013, p. 55) / Моя жена перестала быть моей женой, она стала клубком колючей проволоки... Когда я показывал ей кровавые раны... (Флинн, 2022, с. 66). Еще один пример репрезентирует негативную оценку трансформации характера посредством лексики, номинирующей физиологию, а именно: кожу, физическую оболочку тела: 33. Over just a few years, the old Amy... literally shed herself, a pile of skin and soul on the floor, and out stepped this new, brittle, bitter Amy (Flynn, 2013, p. 55). / Спустя несколько лет после свадьбы старая кожа вдруг свалилась на пол, и из нее шагнула новая, нервная и ожесточенная Эми (Флинн, 2022, с. 66). Лексика, называющая физиологические привычки, также объективирует восприятие нездоровых, неправильных семейных отношений, которые для Ника Данна как вредная ненормальная привычка: 34. I was so used to being angry with her, it felt almost enjoyable, like gnawing on a cuticle: you know you should stop, but you can't quit grinding away (Flynn, 2013, p. 121). / ...как *грызть ногти* – знаешь, что нельзя, стыдишься, но не можешь остановиться (Флинн, 2022, с. 136). В следующем случае лексические единицы, номинирующие физиологические процессы, доставляющие дискомфорт и боль, объективируют духовно-нравственный поиск Ника Данна и его оценку собственным действиям (измены супруге). Лексические единицы *itch, hole, rip* акцентируют внимание именно на болезненности процесса, которому трудно противостоять: 35. I felt a queasy mixture of relief

and horror: when you finally stop *an itch* and realize it's because you've *ripped a hole in your skin* (Flynn, 2013, p. 161). / В душе кипела тошнотворная смесь облегчения и страха, как если бы уняв зуд, вы вдруг поняли, что поцарапали кожу до крови (Флинн, 2022, с. 178). В другом случае семантика физиологии, репрезентируемая лексемами *brain* и *gas*, описывает резкий неконтролируемый эмоциональный всплеск: 36. *My brain had been burning up such inappropriate thoughts* at inopportune moments. *Mental gas I couldn't control* (Flynn, 2013, p. 87). / *Мой мозг часто рождает и не такие глупости* в самый неподходящий момент. Не всегда получается контролировать *извержение психических газов* (Флинн, 2022, с. 101). Разбитое моральное состояние Ника Данна передается метафорическим сравнением с использованием лексем *belly*, *basement*, номинирующих внутренний мир героя и уподобляющих его наполненному отчаянием и страхом погребу: 37. *In the belly-basement are hundreds of bottles of rage, despair, fear* (Flynn, 2013, p. 42). / В погребах моей души хранятся сотни бутылок ярости, отчаяния, страха... (Флинн, 2022, с. 51-52). Лексические единицы, называющие физические показатели, в частности показатели крови, выражают оценку собственных действий Ника Данна, его интерпретацию причины брака с Эми Эллиот: 38. *It's like when people with iron deficiencies crave red meat* (Flynn, 2013, p. 305). / Так же человеку с нехваткой железа в крови жутко хочется мяса с кровью (Флинн, 2022, с. 331). В следующем контексте резко возникшее моральное напряжение актуализируется лексической единицей *clot*, называющей опасный для жизнедеятельности процесс в организме, в частности тромбоз: 39. *Oh my God, a clot of heat appeared in the middle of my chest. But...* (Flynn, 2013, p. 200) / О господи... – мое сердце похолодело. – Но... (Флинн, 2022, с. 218).

Метафорическим оценочным суждениям Эми Эллиот свойственны сарказм и гнев, остроу которого придает именно семантика физиологии. Так, например, лексема *placenta* актуализирует, по мнению Эми, жизненно важные составляющие отдыха для Ника, которыми являются алкоголь, сигареты и дешевая еда: 40. *Nick got home, a bulb of beer and cigarettes and fried-egg odor attached to him, a placenta of stink* (Flynn, 2013, p. 74). / Ник вернулся домой, насквозь пропитавшись вонью пива, сигаретного дыма и яичницы. Настоящая плацента из вони (Флинн, 2022, с. 87). В следующем контексте семантика физиологии репрезентирует образный компонент в метафорическом сравнении поведения женщины в счастливом и успешном для нее замужестве, в котором она манипулирует мужем и добивается своего: 41. *It's the female pissing contest* (Flynn, 2013, p. 62). / Это женский аналог состязания «у кого струя длиннее» (Флинн, 2022, с. 73). В данном случае для выражения основной идеи используется мужская самооценка, напрямую связанная с мужской физиологией.

Таким образом, семантика физиологии, регулярно представленная в повествовании многообразием лексических значений, выражает душевное и физическое состояние литературных героев, их реакции и мысли.

Еще одним видом актуализации семантики, создающей особый психологизм в романе, является **семантика сладкой еды**, преимущественно декодирующая личностные установки Эми Эллиот: ей свойственны нарциссизм, перфекционизм, внешняя и внутренняя рафинированность, изысканный вкус, одержимость, потребность во всеобщем восхищении и любви, стремление быть уникальной. О супруге Ника Данна говорят *sweet lady* (милая женщина), таким образом, она как будто излучает собой сладость. Сладкая и изысканная еда наполняет семейную жизнь, сладкая еда окружает литературных героев в ходе расследования и допросов, в каком-то смысле сладкая еда символизирует иллюзию счастливого брака, семейной жизни мечты. Сама Эми сравнивает себя с десертом, тем самым выражая свою идеальность и желанность, репрезентируемые лексемами *dubious dessert*: 42. *As I go to endless rounds of parties and bar nights, perfumed and sprayed and hopeful, rotating myself around the room like some dubious dessert* (Flynn, 2013, p. 33). / А потом блуждаю по бесконечным вечеринкам и барам и предлагаю себя как необычный десерт (Флинн, 2022, с. 43).

Наиболее частотными лексическими единицами, номинирующими сладкую еду в романе, являются лексемы *pancakes*, *waffles*, *whipped cream*, *ice-cream*, *muffins*, *strawberries*, *sugar*, *sugar powder*, среди которых особенно стоит отметить лексемы *crepe* (блинчики) и *pancakes* (блины), называющие любимое блюдо Эми. В некотором смысле эти лексемы целесообразно рассматривать как ключевые в романе: 43. *Something impressive was being created, probably a crepe, because crepes are special* (Flynn, 2013, p. 7). / Этим утром меня ждало нечто особенное. Например, *блинчики* (Флинн, 2022, с. 13). 44. *Pancakes, topped with strawberries and puffs of whipped cream* (Flynn, 2013, p. 142). / *Блинчики*, увенчанные клубникой и комком взбитых сливок (Флинн, 2022, с. 159). Эта же лексическая единица используется для описания несоответствия внешнего поведения внутреннему состоянию литературного героя на допросе и таким образом в контрасте с описанием физических ощущений актуализирует истинное состояние литературного героя, вуалируя его подлинную эмоциональную и физическую реакцию: 45. *I took a bite of my pancakes. I could feel the heat rushing from under my collar* (Flynn, 2013, p. 144). / Я надкусил блинчик, ощущая, как пылает шея (Флинн, 2022, с. 161).

Лексические единицы, номинирующие сладкую еду, используются в описании внешности, детали которой становятся своеобразными знаками выражения душевного настроения нарратора и его мыслей. Так, например, Ник Данн подчеркивает сходство цвета волос жены со сливочным маслом, передавая таким эпитетом красоту Эми: 46. *Her yellow-butter hair* (Flynn, 2013, p. 7). / Ее желтые, как сливочное масло, волосы (Флинн, 2022, с. 13). Семантика сладкой еды используется для описания обонятельного перцептивного восприятия и объективирует притягательный и манящий запах привлекательной, изысканной молодой женщины: 47. *She would smell like berries and powdered sugar* (Flynn, 2013, p. 8). / Если сейчас обниму ее, то почувствую запахи ягод и сахарной пудры (Флинн, 2022, с. 14).

Сама Эми Эллиот неоднократно в мыслях о муже возвращается к деталям их свиданий, описание которых наполнено семантикой сладкой еды, чаще всего репрезентируемой лексемами *sugar*, *powder*, актуализирующими

лучшие моменты в их отношениях, символизирующими ее самые заветные ожидания от долгожданной встречи: 48. He would press me against a wall and kiss me in the snow that looked like *sugar clouds* (Flynn, 2013, p. 262). / Ник прижимает меня к стене и целует, а снежинки кружатся, как некогда сахарная пыль (Флинн, 2022, с. 284). 49. His eyelashes are trimmed with *powder*... he brushes the *sugar* from my lips so he can taste me (Flynn, 2013, p. 16). / Его ресницы припорошены пудрой, а потом он склоняется и слизывает сахар с моих губ (Флинн, 2022, с. 23). 50. Nick Dunne, *sugar-cloud kisser* (Flynn, 2013, p. 28). / Ник Данн... целующийся в сахарном облаке и исчезающий (Флинн, 2022, с. 37).

Лексические единицы, называющие сладкую еду, в частности лексемы *pie*, *whipped cream*, номинирующие вкусную, сладкую и изысканную еду, используются в описании первых впечатлений Эми о Нике и актуализируют ее представления о будущем муже: 51. He looks like the one who will end up with a *pie* in the puss, the *whipped cream* wilting his upturned collar (Flynn, 2013, p. 14). / Такой задирает чувствительных неудачников, пока не получит тортом в физиономию, – и вот он стоит дурак дураком, а взбитые сливки текут ему за стилижно поднятый воротник (Флинн, 2022, с. 22). Таким образом, семантика сладкой еды используется в оценочных суждениях.

Моменты ключевой и счастливой для Эми встречи с Ником также наполнены семантикой сладкой еды, репрезентируемой лексемами *cantaloupe*, *honeydew*, номинирующими сладкие фрукты и описывающими внешнюю обстановку. Таким образом, семантика сладкой еды гармонично дополняет радостную ситуацию, делая ее идеальной и оттеняет испытываемое Эми ощущение счастья: 52. I'm walking along Seventh Avenue... endless plastic containers of *cantaloupe* and *honeydew* and *melon* perched on ice... (Flynn, 2013, p. 28) / ...я иду и плотоядно созерцаю контейнеры в витринах закусовых – бесконечные пластиковые упаковки с нарезанной дыней обыкновенной, дыней канталупой, дыней медовой... (Флинн, 2022, с. 37). 53. And then you run into Nick Dunne on Seventh Avenue as you're buying *diced cantaloupe* (Flynn, 2013, p. 33). / И вдруг вы нарываетесь на Седьмой авеню на Ника Данна, когда собираетесь купить нарезанную кубиками дыню (Флинн, 2022, с. 43). Психологизм в повествовании создается деталями в описании природы, которые косвенно соотносятся с внутренней жизнью литературного героя. Так, например, воздух был пропитан сладостью, репрезентируемой в тексте лексемами *sweets* и *sundae* и подчеркивающей идеальность и изысканность отношений супружеской пары: 54. He takes me for a *sundae* at his favorite *ice cream parlor*... the air all *sticky with sweets* (Flynn, 2013, p. 193). / Ник угощает меня мороженым с фруктами в своем любимом кафе. Утром, когда воздух пропитан сладостью, целует меня (Флинн, 2022, с. 212).

В целом можно отметить, что семантика сладкой еды, безусловно характеризующая пространство романа, раскрывает характер литературного героя и насыщает яркими деталями его мыслительные образы, называя те элементы внешнего мира, которые несут наибольшую ценность и смысл в его картине мира.

Психологизирующую функцию в романе выполняет и **семантика алкоголя**, актуализируемая лексическими единицами, номинирующими спиртные напитки и их распитие, заведения и состояние алкогольного опьянения, наиболее многочисленными из которых являются лексемы, называющие спиртные напитки, крепкий алкоголь: *vodka*, *alcohol*, *wine*, *liqueur*, *gin*, *martini*, *mohito*, *bourbon*, *Scotch*; нередко для называния алкоголя используется субстантивная и глагольная лексема *drink*, а также субстантивные лексические единицы *glasses*, *bottles*. Лексические единицы, объективирующие семантику алкоголя, декодируют обыденность и эмоциональную пустоту в жизни супругов Данн, способ уйти от все возрастающих личных проблем и спасение от все увеличивающейся дистанции в браке: 55. I needed a *drink* (Flynn, 2013, p. 10). / Очень хотелось выпить (Флинн, 2022, с. 17). 56. Thank God for the *open bar* (Flynn, 2013, p. 32). / Хвала Господу за бесплатные напитки! (Флинн, 2022, с. 41). 57. Sometimes the answer is *at the bottom of a bottle* (Flynn, 2013, p. 40). / Иногда ответ находят на дне бутылки (Флинн, 2022, с. 49). 58. I spent the previous three days in the house, marking time until five, when *I could have a drink* (Flynn, 2013, p. 93). / ...предыдущие три дня я провела дома, с нетерпением дожидаясь пяти дня, чтобы глотнуть спиртного (Флинн, 2022, с. 107).

Лексические единицы, номинирующие алкоголь, репрезентируют оценочные суждения. В следующем случае актуализируется положительная характеристика Ника, раскрываемая лексическим значением *stiff*, подчеркивающим нужную выдержку и идеальные качества алкогольного напитка, которые переносятся нарратором на человека: 59. Nick is like a good, *stiff drink* (Flynn, 2013, p. 43). / Ник похож на крепкую выпивку (Флинн, 2022, с. 53). Тем не менее чаще семантика алкоголя объективирует негативную оценку, как это репрезентируется, например, в следующем примере лексемой *beer-loose*, приписывающей объекту характеристики, вызывающие отталкивающую реакцию: 60. Nick will come home, sweaty and salty and *beer-loose* from a day at the ball-park (Flynn, 2013, p. 61). / Вернется Ник домой, насосавшийся пива на бейсбольном стадионе (Флинн, 2022, с. 72-73).

Глубокий психологический смысл в повествовании выражает детальное описание процесса распития алкоголя до состояния сильнейшего опьянения, репрезентируемого субстантивными лексемами *tugs* и *swig*, описывающими залпообразный и последовательный характер принятия алкоголя: 61. I finished half the bottle sitting on her sofa... I took repeated *tugs* on the bottle, psyching myself up for sleep, a losing routine... I drank more and continued my mantra... *Swig... swig*. I got nothing more than a fussy nap toward dawn, woke up an hour later with a *hangover* (Flynn, 2013, p. 63). / Прикончил в одиночку оставшиеся полбутылки... Я отхлебывал снова и снова из горлышка, тщетно пытаясь погрузиться в сон... я лакал виски... Глоток... Большой глоток... Глоток... Большой глоток (Флинн, 2022, с. 75).

Состояние алкогольного опьянения преимущественно репрезентируется лексическими единицами *wine-lame*, *booze*, *drunk*, *hangover*, конструирующими негативную картину жизни литературных героев, для которых выпивка стала занятием: 62. I barely recognized my face. The *booze* floating, sludgelike, just beneath the surface of my

skin made me look like a fleshy wastrel (Flynn, 2013, p. 71). / Последствия *пьянки* меня не красили – не человек, а мешок с дерьмом (Флинн, 2022, с. 83). 63. Or if I need to stumble in, and with my *wine-lame eyes* (Flynn, 2013, p. 73). / Или мне, слегка *окосев от вина*, следует ополчиться против них (Флинн, 2022, с. 86). Интересно отметить, что лексема *booze* может описывать и внешние детали, например обстановку дома, и подчеркивать внушительные масштабы присутствия семантики алкоголя в семейной жизни: 64. ...our *booze-humid bedroom* (Flynn, 2013, p. 78). / ...наша пропитавшаяся алкогольными испарениями спальня (Флинн, 2022, с. 91).

Можно заключить, что анализ текста определенно свидетельствует о психологизирующей функции семантики алкоголя, достаточно широко представленной в романе и уточняющей душевное состояние.

Зоонимы широко используются в романе для описания внешних деталей, природы, животного мира, особенностей мужского и женского тела и телодвижений, изображение которых осуществляется через призму восприятия окружающего мира литературными героями: зоонимы актуализируют состояние физического влечения или физического отвращения, состояния напряженности или, наоборот, внутренней расслабленности и ощущения уюта, сиюминутное настроение и общий душевный настрой, осмысление жизненных ситуаций.

Так, например, лексема *avian* в конструкции с отрицанием актуализирует отсутствие свойственной птице легкости в теле литературного героя и, следовательно, созвучный с этим душевный настрой Ника Данна: 65. My eyes flipped open at exactly six a.m. This was no *avian* fluttering of the lashes (Flynn, 2013, p. 3). / Мои глаза открылись ровно в шесть утра. Не затрепетали ресницы, как птички крылья (Флинн, 2022, с. 9). В следующем примере негативное внутреннее состояние Ника Данна репрезентируется сравнением физического и морального самочувствия с ощущением клубка угрей в животе, вызывающего у большинства людей отталкивающие ассоциации в силу лексического значения *eels*, конкретизированного лексическим значением *oiled*, еще больше усиливающего ощущение неприязни и брезгливости и нередко используемого в повествовании для описания неприятных ощущений: 66. ...my stomach could be all *oiled eels* (Flynn, 2013, p. 54). / ...в моем животе могли свиваться в клубок скользкие угри (Флинн, 2022, с. 65). Не всегда зоонимы номинируют негативное внутреннее состояние. Так, молодая супруга Эми Эллиот ощущает себя шмелем, настолько она счастлива и полна жизненной энергии; лексема *bumblebee* актуализирует испытываемую ею энергичность, движение, подъем сил, желание заботиться о семье: 67. A happy, busy *bumblebee of marital enthusiasm. I positively hum around him, fussing and fixing* (Flynn, 2013, p. 43). / Я счастлива, я шмель брачного энтузиазма. Я непрестанно жужжу вокруг своего мужчины, заботясь и суетясь (Флинн, 2022, с. 53). Зооним *rats*, используемый для описания семейной спальни супругов Данн, объективирует заботу, ласку, чистоплотность, которые свойственны крысам и которые Эми поддерживает в отношениях: 68. Then comes sex and a stiff drink and a night of sleep in a sweet, exhausted *rats' tangle* in our big, soft bed (Flynn, 2013, p. 62). / А потом мы занимаемся сексом, пьем крепкие напитки и сладко спим до утра, зарывшись в простыни, на нашей огромной мягкой кровати (Флинн, 2022, с. 74).

Зоонимы используются и в оценочных суждениях супругов друг о друге. Непредсказуемый характер Эми и страх перед ней выражаются лексемой *centipedes* в силу манеры хаотичного движения многоножек, их опасного и даже агрессивного вида: 69. ...her thoughts *shuttling* through those coils like fast, frantic *centipedes* (Flynn, 2013, p. 3). / ...стремительными *многоножками бегают мысли* (Флинн, 2022, с. 9). И напротив, положительный образ создает сравнение улыбки Ника с улыбкой кота, таким добродушным, податливым и мягким воспринимает его Эми, такие мужчины ей и нравятся, таким должен быть ее муж: 70. He has a great smile, a *cat's smile* (Flynn, 2013, p. 15). / ...улыбка *сытого кота* (Флинн, 2022, с. 22).

Частотным зоонимом, актуализирующим взгляд Эми и ее женского окружения на мужчин, является лексема *monkey*, которой называют податливых, ручных, покорных мужей, чьи качества и передаются лексемой *monkey*, и этими качествами ее муж, по мнению Эми, не должен обладать, но из него она так тщательно старается сделать именно описываемый зоонимом характер: 71. We call these men the *dancing monkeys* (Flynn, 2013, p. 61). / Мы называем таких мужей дрессированными обезьянками (Флинн, 2022, с. 72). 72. ...no *dancing-monkey demands* (Flynn, 2013, p. 72). / ...не делать из него *дрессированную обезьянку* (Флинн, 2022, с. 85).

В осмыслении Эми семейной жизни ее родителей используется зооморфная метафора с лексемой *jellyfish*, репрезентирующей бесконфликтный многолетний брак, существующий подобно жизни двух медуз, плавно движущихся и сливающихся друг с другом: 73. They ride through life like conjoined *jellyfish* (Flynn, 2013, p. 30). / ...они движутся по жизни, будто сросшиеся медузы (Флинн, 2022, с. 40). В другом случае домашний, заботливый и миролюбивый характер ее матери описывается лексемой *chickeny*: 74. Marybeth with her *chickeny, cheerful head bobs*, their hands intertwined, making each other laugh (Flynn, 2013, p. 32). / Мэрибет бодро *кивает, напоминая курочку*... Они стоят рука об руку, смеются вместе, трепещут вместе (Флинн, 2022, с. 41).

Общение Ника Данна с детективами нервирует и пугает его, что, в свою очередь, актуализируется часто используемым в повествовании зоонимом *spider*, объективирующим в контексте источник опасности: 75. Bonie and Gilpin both twitched like *spiders* (Flynn, 2013, p. 40). / Бони и Джилпин дернулись, как пауки (Флинн, 2022, с. 50).

В обстановке расследования и направленных на него подозрений Ник Данн обостренно воспринимал людей, будь то мужчина или даже эффектная женщина, его раздражало и настораживало все. Раздражение и нервное напряжение Ника на протяжении расследования передается лексемой *mosquito*, как известно, называющей неприятных насекомых, изводящих своей назойливостью и неуязвимостью: 76. One cub reporter kept *mosquitoing* around me, peppering me with pointless questions (Flynn, 2013, p. 105). / ...как назойливый комар (Флинн, 2022, с. 120). Еще один пример репрезентирует раздражение литературного героя посредством зоонима *donkey*, подчеркивающего неприятный воющий и поэтому еще больше раздражающий голос осла:

77. She had an unnecessarily loud voice, a bit of a bray, *like some enchanted, hot donkey* (Flynn, 2013, p. 106). / Ее голос казался мне излишне громким, как у очумевшего от жары осла (Флинн, 2022, с. 121).

Примеры использования зоонимов в повествовании свидетельствуют о широком потенциале лексических значений данного семантического пространства в выражении восприятия действительности и описании сиюминутного внутреннего состояния, при этом наиболее частотными являются лексемы, номинирующие насекомых.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Психологизация художественного произведения осуществляется в полном, глубоком описании чувств и мыслей героев художественного произведения, их реакции на внешние события, и художественная литература американского автора Гиллиан Флинн безусловно является примером текста особой художественной ценности, достигаемой в детализации и экспрессивности картин описания внутренней жизни литературных героев.

Психологизирующую функцию в романе “Gone Girl” выполняют лексические единицы, актуализирующие семантику физиологии, семантику алкоголя, семантику сладкой еды, зоологическую семантику, совокупностью которых конструируется особая эмоционально насыщенная внутренняя речь главных литературных героев рассматриваемого произведения, переживающих и осмысляющих события собственной жизни. Семантика физиологии лексически наиболее репрезентативна и объективирует в основном состояние напряженности, невроз, сильные эмоциональные переживания, душевную и физическую боль литературных героев, представлена в оценочных суждениях; семантика сладкой еды описывает личностные установки, идеалы и порой душевный конфликт; семантика алкоголя передает подавленность и ощущение безысходности; зоонимы же используются для выражения широкого спектра внутренних состояний и таким образом создают особую выразительность в произведении. Выявленные лексические значения, описывающие семантику физиологии, алкоголя, сладкой еды и животного мира, раскрывают психологический метод детективного романа “Gone Girl”, а их описание вносит вклад в изучение идиостиля Гиллиан Флинн, отличительной чертой которого на данном этапе анализа ее творчества можно считать выраженную семантику физиологии.

Перспективы дальнейшего исследования особенностей психологизации повествования в художественном тексте могут быть связаны с детальным изучением других произведений Гиллиан Флинн с целью наиболее полного описания ее психологического метода как неизменного или развивающегося проявления индивидуального авторского стиля.

Источники | References

1. Герасименко Е. В., Лушникова Г. И. Художественные формы создания психологического портрета главной героини в романе Гиллиан Флинн «Исчезнувшая» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77).
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Изд-е 2-е, доп. Л.: Художественная литература, 1976.
3. Донцова А. А. Композиционно-структурирующий потенциал внутреннего монолога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.46>
4. Донцова А. А. Стратегии психологизации в аспекте экспликации экспрессивно-эмотивного пространства текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-113-119](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-113-119)
5. Есин А. Б. Художественный психологизм как свойство литературного стиля: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1980.
6. Короткова М. Н. Функции пейзажа в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Инновационная наука. 2020. № 7.
7. Ляшенко Т. М. Лексика тематической группы «еда, потребление пищи» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Litera. 2020. № 11. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2020.11.34150>
8. Мамедова С. Я. Внутренний монолог в английской литературе // The Scientific Heritage. 2022. № 90. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6616178>
9. Плахова О. А., Шебардина Т. Н. Способы реализации содержательно-эстетического потенциала художественной детали в тексте романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24).
10. Рамантова О. В. Особенности психологизации в романе Г. Флинн «Острые предметы» (на материале оригинального текста) // Казанская наука. 2022. № 12.
11. Сергеева Ю. М., Голубева С. А. Лингво-прагматические особенности формирования перцептуального пространства в эгоцентричном художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-179-186>
12. Трусова А. С., Пенягина Е. Е. Внутренний монолог в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского как художественный прием психологизма // Наука и образование. 2022. Т. 5. № 2.
13. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. Волгоград: Перемена, 2008.

Информация об авторах | Author information

Рамантова Ольга Вячеславовна¹, к. филол. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ленина

Ramantova Olga Vyacheslavovna¹, PhD

¹ Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

¹ ms.ramantova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.07.2023; опубликовано online (published online): 05.09.2023.

Ключевые слова (keywords): внутренний мир; Гиллиан Флинн; психологизм; психологическое изображение; семантика физиологии; inner world; Gillian Flynn; psychologism; psychological depiction; semantics of physiology.